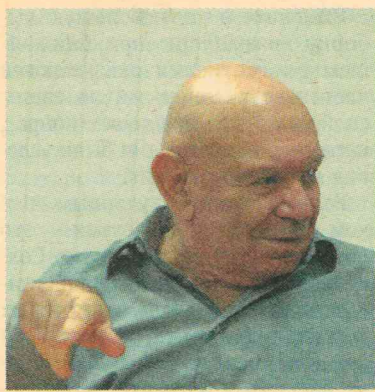

Т. Шанин.
Фото А. Артамонова

Живут на свете люди, биографически никак между собой не связанные, занимающиеся разными науками. Но одинаково масштабные. Наблюдаешь за ними, замечаешь неожиданное сходство манер, привычек, взглядов. Не в узком смысле («что вы думаете о...»), а в предельно широком – взглядов не на конкретные проблемы, а на жизнь как целое. Отмечаешь основательность, свободу, легкость, мудрость. А потом вдруг – юбилей, и выясняется, что они – одногодки. Обоим исполнилось по 80.

Выдающееся поколение, которое с достоинством прошло сквозь послевоенную историю. Как Шанин – то сражаясь в Палестине, то бунтуя в Манчестере, то создавая независимое образование в России. Как Рыжов – то развивая авиацию, то порождая демократию, то защищая ученых, не поделившихся с чекистами и севших на долгие сроки. Как-то Рыжов сказал, что в системе отбраковки главное – не поступаться эталонным экземпляром; как только поступился – пиши пропало. Вот Рыжов и Шанин и есть эталонные экземпляры. Они нам гораздо нужнее, чем мы им. Поэтому дай им Бог (в которого они, кажется, не слишком верят) здоровья и долгих ясных лет.

Александр Архангельский,
писатель, телеведущий,
сопредседатель оргкомитета
премии «Просветитель»

VOX SHANIN

Шанин как человек говорящий

Теодора Шанина я знаю больше двадцати лет. Первая встреча – 1990 год, июль. Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина, красно-бархатный конференц-зал. Организационное собрание членов Первого крестьяноведческого проекта. Входит громадный, чуть-чуть неловкий в движениях, крупноголовый мужчина, небрежно кладет на зеленый стол кожаную плечевую сумку и говорит: «Извините за опоздание. Десять минут. Москва – тяжелый город...». Меня почему-то поразили эти простые отрывистые слова, сказанные человеком дела и человеком в то же время деликатным.

Последние из могикан

28 и 29 октября 2010 г. исполнилось по 80 лет одному физику и одному «лирику»: академику РАН, доктору технических наук, исследователю в области аэродинамики больших скоростей, президенту Международного инженерного университета, председателю жюри премии «Просветитель» **Юрию Рыжову** и социологу, крестьяноведу, профессору Манчестерского университета, президенту Московской высшей школы социальных и экономических наук **Теодору Шанину**.

Мы не знаем, знакомы ли они друг с другом. Однако удивительное и неожиданное совпадение дат их рождения (1930) заставляет задуматься о том, что их объединяет. И это не только история России, через многие перипетии которой пришлось пройти и Рыжову, и Шанину. И это не только наука, служению которой они посвятили свои жизни. И это не только равнодушие к общественным вопросам, которое им свойственно, а прежде всего сила, цельность и масштаб их личностей.

Юрий Алексеевич и Теодор, с днем рождения!

С той минуты я начал пристально наблюдать Теодора как личность говорящую. Профессор Шанин не перестает удивлять и восхищать меня как речевой феномен. Разговор Теодора, как мне кажется, уникален. И поэтому лишь понимать смысл речей Шанина, фиксировать в памяти лишь содержательные, информационно-логические эшелоны его высказываний – всё равно, что слушать музыку в формате mp3.

К счастью, подобная конвертация и редукция невозможны для внимательных его слушателей. Воистину устная речь Теодора Шанина великолепна и неповторима в своей неправильности и продуктивной шероховатости. Она цепляет, тербит и взлохмачивает стандартные слушательские привычки человека. Известно пушкинское: «Как уст румяных без улыбки, / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю...».

Теодор умеет виртуозно воплощать эту улыбчивую, а порой и серьезную ошибочность. Говорящий Теодор интересен и неповторим своим синтаксисом и фонетикой. В конструкции любой его фразы видны очевидные (с точки зрения стандартной нормы) ошибки – рельефные швы, прочные, но скошенные сочленения, грубо изысканные крепежные элементы. И в этом – особый талант говорящего Теодора.

Вслушиваясь в его речь, всматриваясь в пространство его фразы, периода, абзаца, ловишь себя на том, что реально думаешь вместе с ним (чуть-чуть отставая), мгновенно заменяя brutally увесистые конструкции Теодора своими собственными – облегченными, стандартными, привычно уютными.

Но эта замена есть творчество. Эта замена есть усваивание семантической стереоскопии текстов Шанина. Звучание и партитура говорящего Теодора – всегда полифония. Это – fuga, а не речевое тараканье, которого мы все вдоволь наслушались и от университетской профессуры, и от телевизионных говорунов, и от политиков.

Всегда захватывает зрелище, точнее – восприятие акустической дорожки разговора Теодора с журналистами. (К счастью, Шанин в последнее время становится гостем многих теле- и радиодискур-

сов.) Как известно, журналисты, ведущие программ – народ бойкий и нетерпеливый. Для них темпоритм программы – самоцель. Они не любят пауз и непредсказуемых лексических связок и поворотов. Припомните: когда Теодор, сидя в эфире, вдруг задумывается, ища слово, журналист (помня, что Шанин – иностранец) услужливо подсовывает ему свой, как правило, стерильный, стертый вариант – вот тогда-то и сверкает неподражаемое речевое мастерство Шанина. Он медленно выговаривает свой глагол, свое определение, свой термин, свое слово. И мгновенно беседа обретает мощь и увесистость.

На одном из первых «длинных столов», когда мы с Теодором обсуждали очередной этап Первой крестьяноведческой экспедиции и Теодор прочел нам лекцию об экспольярности, я отказался заметить, что стилистика Теодора напоминает склад мемуарных текстов Александра Герцена. Такая же отрывистость и подрезанность, взволнованная сухость фразы... Теодор выслушал меня, подумал и сказал: «Что ж, Герцен не самый плохой образец и пример...».

И громко, по-шанински, расхохотался. Одновременно подмигнув.

Валерий Виноградский,
социолог, крестьяновед,
доктор философских наук,
профессор кафедры «Социология»
Саратовского государственного
технического университета

Примечание:

Статья В. Виноградского публикуется с любезного разрешения МВШСЭН. Она войдет в сборник юбилейных статей о Т. Шанине, который будет представлен на праздновании 80-летия ученого в Москве, 11 ноября 2010 г.

Крылатые фразы Теодора Шанина:

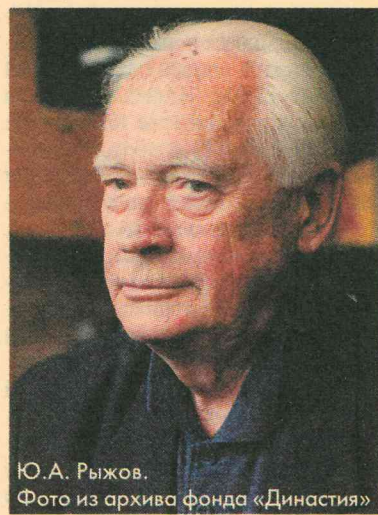
Я – атеист. С двенадцати лет. До этого меня воспитывали в религиозном духе, особенно дед. Но однажды я решил, что религия несовместима с наукой. И сказал об этом маме. Она спросила: что же из этого следует? Я сказал, что больше не буду молиться. С тех пор так и живу. (...)

Тогда я поставил себе вопрос: есть ли вещи, которые являются для меня абсолютными ценностями? Продумывая это, я начал с десяти заповедей. И пришел к тому, что, собственно говоря, ни одна из них не абсолютная ценность для меня. Они являются ценностями, но не абсолютными. Скажем, «не укради». Я был замешан в воровстве в детстве, когда в ссылке помогал ребятам сбывать краденый хлеб, чтобы прокормить семью. И мне не стыдно. ...Я держусь этой заповеди: мне доверяют, и не зря, огромные суммы. Я не отступаю и от других заповедей, но они не абсолютны для меня.

Что же тогда? И так я нашел две абсолютные ценности, которые остаются для меня таковыми и по сей день. Одна из них, вторая: быть добрым другом друзьям. Дружба как абсолютная, а не переменная ценность. А первая... Ее точно описывают слова из книги про Маккавеев, которую я читал в детстве: «И ты не согнешь колен перед человеком и перед Богом, потому что рабами мы были в земле Египетской». Очень глубокие слова, если вдуматься. Их говорят люди, бесконечно преданные Богу, но получается: одно дело – абсолютная преданность, а другое – не согнуть колена. Это необыкновенно драматический взгляд на действительность. И я его принимаю. Для меня важно, что я в жизни не согнул колен перед человеком или Богом. И надеюсь таким уйти в мир иной.

(...) Своим студентам я сразу же говорю: разница между моим поколением и вашим в том, что в наше время человек осваивал в институте профессию, с которой оставался сорок лет, а если вы не поменяете профессию четыре раза за жизнь, я буду удивлен. ... Школа (ТрВ: МВШСЭН, по-другому Шанинка) должна дать уверенность в том, что можно справиться с трудностями без того, чтобы продать душу дьяволу. Потому что продать душу – это тоже один из способов справиться с трудностями. Так в каждом обществе, а в России современной особенно (из интервью Т. Шанина В. Коновалову, «Известия», 2004 [1]).

Властью, данной мне от Бога, я продлеваю перерыв. С 15 до 20 минут.

Ю. А. Рыжов.
Фото из архива фонда «Династия»

У А. Эйнштейна есть статья «Почему я социалист». В ней Эйнштейн высказал очень верную мысль о том, что естественные науки помогают нам достигнуть цели, но ничего не могут сказать нам про сами цели. В точку! Именно для этого и нужны гуманитарные и общественные науки. Если их не защитить, мы, быть может, будем знать, как добиться цели, но не будем знать – какой. (...)

Высокие технологии в области коммуникаций предельно важны, но если вложить все ресурсы в это, то легко можно получить искривленное общество, как бывало в России не только в эпоху индустриализации, но и раньше. То, что Россия отстает в немалом, – это не ново. Она и отстает, и догоняет, и обгоняет почти триста лет. Но она может попасть впросак, если все свои ресурсы сосредоточит в одном месте. Перебор был всегда более опасен России, чем недобор. Реальный вопрос, на который надо, можно и нужно ответить, – не «что делать», а как комбинировать «делание», как оптимально использовать ресурсы (из интервью Т. Шанина О. Орловой, «Полит.ру», 2006 [2]).

Россия не может и не должна стать слепком Запада. Не может потому, что культурные особенности не исчезают из-за волевых решений банкиров и правительств. Не должна потому, что исчезновение особенностей обеднит и Россию, и мир. В то же время Россия не может и не должна закрываться от Запада. Не может потому, что глобализация – не выдумка аналитиков и политиков, она реальна и необратима. Не должна потому, что мир нужен России, а Россия нужна миру. Эта «вечная дилемма» поэтому бессмысленна, а существенным является вопрос другого характера: что полезно отобрать из наработанного Западом образовательного опыта и как это интегрировать в условия России (Из выступления Т. Шанина перед ректорами российских вузов «О пользе иного», 2006 [3]).

1. www.izvestia.ru/articles/article42804/
2. www.polit.ru/science/2006/01/23/sh.html
3. www.polit.ru/science/2006/01/23/shan.html

(Окончание. Начало на стр. 6)

– Возможно, его пытались использовать втемную. Но самое то главное для тех, кто использует людей втемную, если они профессионалы, – это то, что они должны надеяться, что такой-то человек обладает интересующей их информацией. Можно было элементарно понять, что если Сутягин пишет статьи и книги по военному потенциалу России, США и других стран и использует открытые источники, то, скорей всего, он такой

информацией не обладает. И получить такую информацию от него, даже если бы он ею обладал, так вот в лоб нельзя.

По поводу же освобождения И. Сутягина: я всё думаю, это – случайный выброс или же что-то в стране меняется... Есть признаки каких-то колебаний внутри власти, отношение государства к несогласным с властью вроде бы становится мягче. До некоторых отдельных точек. И вопрос что это? Тенденция или случайный выбор? Конечно, оптимистам хочется надеяться, что тен-

денция, а я пока пессимист и думаю, что это случайные точки.

– Могу ли Президиум РАН или, скажем, научное сообщество более сильно реагировать на преследование ученых-«шпионов», более открыто защищать их?

– Научное сообщество плохо реагировало на случаи преследования ученых и раньше, и у меня нет надежды, что оно будет реагировать нужным образом. Отдельные ученые четко реагировали на преследования Валентина Данилова или Игоря Решетина, кото-

рые принадлежат к тому узкому направлению науки, к которому, в частности, принадлежу и я. Академики, известные люди на первых порах писали письма, подписывали обращения, когда всё это только начиналось, а потом отчаялись. Мол, ну что еще делать и говорить? Мне кажется, что невозможно поднять академию, она такая же отживающая, доживающая, как и всё наше пассивное общество.

– Ученые-«шпионы» будут сидеть до тех пор, пока их срок не кончится?

– Судя по всему, да. У меня одна надежда, что наша смута, которая началась в стране и идет уже года полтора-два, может чем-то взорваться в течение 2011-2013 гг., тогда у них появится возможность выйти. Но всё это может кончиться хаосом, и тогда всем нам придется задуматься над тем, оставаться ли в России или забирать родных и близких и мотать отсюда к чертовой матери. ♦

4 ноября состоялось очередное «космическое свидание»: космический аппарат Deep Impact (проект EPOXI, НАСА) прошел в 700 км от ядра кометы 103P/Хартли 2 (103P/Hartley 2) и сфотографировал его. Таким образом, коллекция изображений комет, полученных с близких расстояний, пополнилась еще одним экземпляром, а исследователи получили в свое распоряжение свежий материал для изучения прошлого и настоящего нашей Солнечной системы.

Сближение аппарата с кометой формально началось 3 ноября, когда приборы аппарата были направлены на ядро кометы. Максимальное сближение на 700 км произошло 4 ноября, в 14-00 по Гринвичу. От самой Земли «место встречи» отстоит всего лишь на 0,384 а.е. (чуть менее 600 тыс. км). (Примечание: Желающие могут посмотреть на текущее местоположение кометы на сайте *Amateur Observer's Program* — программы поддержки проекта Deep Impact с помощью любительских наблюдений (<http://dawn-aop.astro.umd.edu/where/Hartley.shtml>)).

Полученные изображения оперативно выкладывались на сайт миссии, так что увидеть комету можно было уже в ночь с 4 на 5 ноября. Кроме фотографий в сеть были выпущены и видеоролики, полученные во время фазы пролета и подготовки, которая началась в сентябре.

Майкл А'Херн (Michael A'Hearn, университет Мэриленда), главный исследователь проекта EPOXI, комментирует происходящее кратко: «Нам предстоит сюрпризы. Эта комета не похожа ни на одну из тех, что мы уже посещали, и мы не знаем, что нам предстоит обнаружить». Эти слова, конечно, рассчитаны и на внешний эффект, однако суть происходящего они передают верно. Кометы — пока нечастые объекты исследований космических зондов, поэтому любой эксперимент приносит очень много неожиданной информации.

Безусловно, детальная обработка результатов Deep Impact — дело еще многих месяцев, тем более что наблюдения за кометой продолжатся еще три недели после сближения. Однако уже предварительные наблюдения и самые первые изображения содержат интересную информацию об объеме кометы и том веществе, которое она выбрасывает в пространство. В частности, в сентябре неожиданно увеличились выбросы цианидов (производных синильной кислоты) — в 5 раз за восемь дней. Столь активная дегазация обычно сопровождается выбросами пыли, но в этот раз их не было, поэтому пока нет полной ясности в том, как объяснить это явление.

Комета Хартли 2 относительно мала, ее диаметр оценивается в 1-2 км. Она относится к короткопериодическим кометам семейства Юпитера, ее период составляет 6,46 года. Ее открыл в 1986 г. Малькольм Хартли, сотрудник обсерватории Сайдинг Спринг (Siding Spring Observatory) в Австралии. Кстати, это второй случай, когда первооткрыватель кометы одновременно был современником ее посещения космическим аппаратом, и первый случай, когда он наблюдал за сближением в зале управления проектом Лаборатории реактивного движения НАСА. До Хартли лишь Пауль Вильд, первооткрыватель кометы Вильда, был свидетелем встречи со «своей» кометой аппарата Stardust, но это происходило в частной обстановке.

Проект по изучению кометы Хартли 2 замечателен еще и тем, что это в некотором роде «энергосберегающая» миссия, использующая аппарат Deep Impact, который отработал свою главную цель — встречу с кометой Темпеля 1 (9P/Tempel 1, 4 июля 2005 г.). Кроме дистанционных

Маленькая, активная, загадочная...

Ольга Закутняя

наблюдений в научную программу Deep Impact входило направленное столкновение специального зонда с ядром кометы и изучение выброшенного в результате удара вещества.

Тот эксперимент оказался удачным, но активная жизнь Deep Impact им не закончилась. Как предполагалось еще до запуска аппарата, он был направлен к другой комете в рамках продленной миссии с

«встречи». Но орбита кометы Ботина известна очень неточно: собственно, последний раз ее наблюдали более 20 лет назад, в 1986 г. И в решающие дни 2007 г., когда аппарат следовало направить на траекторию пролета, комету в буквальном смысле слова не обнаружили на положенном месте. Возможно, она распалась на несколько мелких фрагментов. Так

аббревиатурой DIXI — Deep Impact eXtended Investigation. Тем самым убивали сразу двух зайцев: во-первых, использовался вполне исправный аппарат; во-вторых, появилась возможность сравнить две различные кометы по данным одних и тех же приборов.

На выбор предлагались комета Ботина (85P/Boethin) и комета Хартли 2. Первый вариант казался предпочтительным по времени (путешествие к комете заняло бы на два года меньше) и условиям

или иначе, но Deep Impact направился к комете Хартли 2.

Путь к ней занял почти три года и потребовал несколько гравитационных маневров у Земли. Впрочем, аппарат не терял даром времени. С 22 января до конца августа 2008 г. приборы Deep Impact наблюдали за несколькими звездами, у которых к тому времени открыли планетные системы, в рамках программы EPOCh (сокращение от «Наблюдения и описание внесолнечных планет» — Extrasolar Planet Observation

and Characterization). Смешение двух аббревиатур и произвело не свет финальное название проекта EPOXI, для русского уха (да и, возможно, для английского) звучащее не очень-то романтично.

Комета Хартли 2, несмотря на малые размеры, довольно активна: по словам А'Херна, хотя ее ядро составляет всего треть от ядра кометы Темпеля 1 (диаметр — около 6 км), она выбрасывает в 5 раз больше газа и пыли. Дон Йеоманс (Don Yeomans), один из исследователей проекта и сотрудник JPL, за эти свойства назвал комету «гиперактивной, маленькой и отважной». А по данным наземных наблюдений, которые приводит Анита Кокран (Anita Cochran), сотрудница университета Техаса, относительно небольшое ядро кометы выбрасывает столько же водяного пара, сколько и ядро кометы Темпеля 1, площадь поверхности которой в 10 раз больше. Есть предположение, что в отличие от более крупных комет, которые выбрасывают газ и вещество в виде джетов, дегазация кометы Хартли 2 происходит по всей поверхности. Впрочем, подтвердить или опровергнуть его могут лишь более точные данные, которые должен получить Deep Impact.

Научная аппаратура зонда состоит из двух основных инструментов: комплекса высокого разрешения HRI (High Resolution Instrument), включающего телескоп, мультиспектральную камеру и инфракрасный спектрометр, и комплекса среднего разрешения MRI (Medium Resolution Instrument). С их помощью предполагается детально изучить и ядро, и кому кометы. В планах — уточнение формы и размеров ядра, измерение его яркости и цвета, температуры поверхности, по которой можно оценить теплопроводность внутренних слоев ядра и наличие в нем летучих веществ. По образованиям на поверхности ядра можно попытаться восстановить историю формирования кометы. Особенный интерес вызывают кометные извержения газа: планируется исследовать спектры газа, выброшенного из кометы, и попытаться привязать проявления активности в коме к конкретным образованиям на поверхности ядра. Наконец, не менее важна и кома, ее спектральные характеристики. В частности, исследователи надеются обнаружить признаки химических реакций диссоциации сложных молекул под действием солнечного света и затем, возможно, их рекомбинации в коме.

Рандеву с кометой Хартли 2 станет завершающим этапом жизни Deep Impact, после чего аппарат отправится на «заслуженную пенсию», превратившись в искусственную планету. Исследователи же займутся анализом полученных данных и сравнением кометы Хартли 2 с уже известными экземплярами из коллекции изображений кометных ядер, наблюдавшихся космическими аппаратами в непосредственной близости.

Эта коллекция пока невелика и включает кроме кометы Хартли 2 четыре образца: комету Галлея (1986 г., международный проект ВЕГА, проводившийся под эгидой СССР, и европейский аппарат «Джотто»), комету Боррелли (2001 год, пролет аппарата Deep Space 1, НАСА), комету Вильда 2 (2004 г., аппарат Stardust, НАСА) и уже упоминавшуюся комету Темпеля 1 (Deep Impact, 2005). (Примечание: строго говоря, были и другие кометные миссии, которые, правда, не включали сближения с ядром: пролет американского аппарата ICE сквозь хвост кометы Джакобини-Циннера в 1985 г. и рандеву европейского аппарата «Джотто» с кометой Грига-Скеллерупа в 1992 г., через шесть лет после успешного пролета мимо кометы Галлея, в чем принимали участие российские ученые).

Входящие в эту небольшую выборку экземпляры при ближайшем рассмотрении оказываются настолько различными по своим свойствам, что возникает вопрос, насколько одинаковыми были условия их формирования.

Если говорить популярным языком, то охота за кометами — это попытка заглянуть в прошлое Солнечной системы, поскольку считается, что лед и пыль, из которых состоят ядра комет, практически не претерпевали изменений, кроме внешних, с момента ее образования. Это действительно так, но в каждом конкретном случае могут возникнуть новые вопросы.

Так, например, оказалось, что комета Вильда 2, частицы которой отправил на Землю аппарат Stardust, прошедший сквозь хвост кометы в 2004 г., содержит минералы, которые могли образоваться лишь при сравнительно высоких температурах. Означает ли это, что некоторые кометы формировались ближе к Солнцу, чем предполагается сейчас?

Другой пример: на поверхности кометы Темпеля 1 взору исследователей предстали несколько десятков образований, похожих на ударные кратеры. Но поскольку за одну орбиту с поверхности кометы испаряется (сублимируется) приблизительно полуметровый слой поверхности, то такие кратеры уже должны были исчезнуть. Таким образом, считает А'Херн, в появлении этих образований играют роль другие процессы.

Некоторые исследователи даже полагают, что в недрах комет, несмотря на их малые размеры, могут идти какие-то внутренние процессы, вызывающие кривуланизм — выход более теплого льда на поверхность.

Для ответа на эти и многие другие вопросы необходимы данные. К сожалению, кометы, из-за своих малых размеров и сложных орбит, — довольно неудобные объекты наблюдения как для наземных телескопов, так и для космических аппаратов.

В будущем году к уже имеющейся информации может добавиться обновление: аппарат Stardust, получивший новое имя NeXT, должен встретиться с кометой Темпеля 1 через шесть лет после Deep Impact. А через четыре года в коллекцию может войти совершенно новый экспонат: в 2014 г. космический зонд Rosetta (ЕКА) должен достичь кометы 67P/Чурюмова-Герасименко и отправить на ее поверхность посадочный аппарат, который проведет анализ вещества кометы.

Но на этом охота за кометами временно приостановится: после Rosetta в планах мировых космических агентств экспедиций к этим телам пока не значится. Некоторое время в ЕКА обсуждался амбициозный план по возврату вещества кометы непосредственно с поверхности на Землю. Проект под продолжительным названием «Triple F», что означает «Fresh From the Frigate» («Три Ф» — «Свежим из морозилки») обсуждался ЕКА совместно с Роскосмосом, но пока его судьба осталась неопределенной. Другое интересное предложение — отправить аппарат к дальним областям Солнечной системы, за орбиту Нептуна, где, согласно существующим предположениям, находится «строительный мусор», оставшийся после образования Солнечной системы. Поскольку кометы, находящиеся там, должны гораздо в меньшей степени измениться под влиянием Солнца, их свойства в большей степени отражают свойства «первородного» вещества Солнечной системы.

Фото NASA

www.nasa.gov/mission_pages/epoxi/index.html
<http://dawn-aop.astro.umd.edu/index.shtml>
http://www.iki.rssi.ru/events/press_r.htm

Монгольская дорога

Георгий Рюрик, сотрудник Института проблем экологии и эволюции (ИПЭЭ РАН)

«В одной части земли находится несколько небольших лесов, другая же часть совершенно безлесная, пищу же себе варят и сидят [для тепла] как император, так вельможи и все другие люди при огне, разведенном из бычьего и конского навоза. Далее даже и самая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки редки, откуда там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который сливается довольно хорошим и называется Каракарон...»

Так писал о Монголии францисканец Джованни дель Плано Карпини, посетивший эту страну в середине XIII века. С тех пор даже в монгольских маловодных реках утекло много воды, изменились границы государств, человечество увеличилось в числе почти в 20 раз, и даже климат немного изменился.

В Монголии сегодня так же неважно с источниками пресной воды, так же не развито земледелие, и по-прежнему топят печи кизяком. Плотность населения в Монголии – самая низкая в мире; при этом едва ли не половина населения сосредоточена в городе-миллионнике Улан-Баторе. Улан-Батор (в своей центральной части) имеет вид вполне современного города с высокими красивыми зданиями, широкими проспектами, шикарными ресторанами и гостиницами. Но всё это довольно быстро исчезает по мере удаления от центра и не встречается уже нигде более по всей стране.

Если вы посмотрите на космический снимок окраины Улан-Батора, то увидите огромные площади, занятые какими-то квадратными клетками с маленькими белыми кружочками внутри. Это не что иное, как юрты, огороженные заборами. В этих юртах живет около половины жителей Улан-Батора. Внутри такого забора обычно находится абсолютно голый участок земли, но забор должен быть, иначе нельзя зарегистрировать собственность на землю.

Что ж, теперь, продвигаясь сквозь городские пробки в сочетании с почти полным отсутствием правил дорожного движения, попробуем выбраться за пределы столицы. Нашему взору откроется местность, для обозначения которой существует литературный штамп «бескрайняя степь». Это та самая бескрайняя степь, о которой писали Тургенев, Чехов и Шолохов, но которую давно уже нигде не увидишь в России. Степь, не расчерченная полями и не перегороженная лесополосами. Просто всхолмленная поверхность земли, поросшая травой. Иногда будут встречаться юрты и еще чаще – скот. Скота в Монголии гораздо больше, чем людей. Хотя и люди, несмотря на пресловутую малонаселенность Монголии, не так уж незаметны: видимость на местности составляет десятки километров, спрятаться некуда. К тому же кочевники-монголы, не сконцентрированные в населенных пунктах, довольно дисперсно рассредоточены по степи. Поэтому, чтобы попасть в настоящую безлюдную местность, от Улан-Батора придется ехать далеко (например, в Гоби). Впрочем, если поехать далеко и к тому же в разные стороны, то можно своими глазами убедиться, что в Монголии кроме степей, заполненных пасущимися овцами, есть и тайга, и настоящие пустыни, и высокогорья...

Но мы с вами отъехали еще недалеко, остановимся перекусить в придорожном чайны-газаре. Будьте уверены – здесь всё «настоящее», никаких потёмкинских деревень и блюд специально для туристов не будет (в отличие от сувенирных лавок, битком забитых подделками под антиквариат). «Чайны» – от слова «чай», т.е. чай. Но не ждите увидеть здесь чай в привычном

для нас виде. Монгольский суутэй чай представляет из себя горячее подсолненное молоко (суу – молоко) пополам с водой. Чай туда тоже кладут (зеленый прессованный), но вкус его практически не чувствуется. Если вы не хотите подвергать подобным испытаниям свой желудок, попросите «липтон» – это означает просто черный чай. Но учтите, что по мере удаления от цивилизации вероятность удовлетворения этой просьбы будет всё меньше.

Туристов, кстати, в Монголии довольно много – французов, немцев,

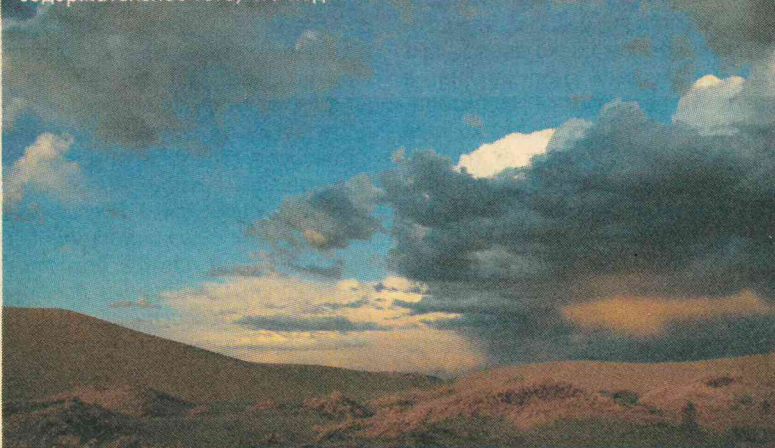
Вода в них обычно (особенно после дождей) довольно мутная, к тому же у воды всегда бывает такое количество скота, что купаться вряд ли захочется. Мелкие реки часто могут оказаться пересыхающими, и вода в них есть только короткий период времени, например после сильных дождей. В монгольском языке есть два разных слова, обозначающих большие реки и маленькие. «Большая река» обозначается тем же словом, что и океан. Вот такой вот он, океан по-монгольски...

Обо на перевале

поляков... И с каждым годом становится всё больше. Но русского монголы всегда отличат – слишком много связывало последнее столетие Монголию с нашей страной. Всё старшее поколение учило в школах русский – поэтому при случае большинство может выжать из себя как минимум «Как тебя зовут?» и «Куда ты идешь?» (На самом деле в обратном порядке – первая фраза почему-то пользуется большей популярностью.) Для многих монголов пообщаться с русскими – что-то вроде аттракциона, наиболее бесшабашные бу-

Небо здесь часто гораздо содержательнее того, что под ним

дуг предлагать вам вместе выпить водки. При этом могут быть весьма навязчивы, но, скорее всего, не агрессивны. Вообще, по моим наблюдениям, к русским и к России отношение в целом довольно позитивное, гораздо лучше, чем ко второму большому соседу – Китаю...

Ну что ж, мы перекусили (не слишком переживайте, скорее всего, уже через несколько дней ваш желудок будет переваривать бараний жир гораздо лучше) и можем двигаться дальше. Если мы едем от Улан-Батора на запад, север или восток, у нас есть шансы увидеть относительно крупные реки – Керулен, Орхон, Селенга.

Что? Когда же, наконец, перестанет трясти и мы выедем на трассу? Так это и есть трасса! Строительство дорог в Монголии часто сводится к... ну, скажем так, если по одному и тому же месту несколько раз проехать, то дорога в общем-то появляется сама. Это же так удобно! А если слишком разбили колею, то можно просто поехать рядом – образуется параллельная дорога. В результате дорога на равнине, как река, распадается на множество рукавов, протоков, ответвлений; они то сливаются, то снова расходятся, покрывая степь замысловатой сетью... В горах, конечно, всё будет несколько иначе – сложный рельеф жестко диктует направление. По распадкам, по долинам сухих русел можно вползти на горный хребет и потом, так же петляя, спуститься с него с другой стороны. Но давайте остановимся здесь, наверху, на несколько минут, ведь отсюда такой прекрасный вид! Что? Зачем здесь эта палка с синими тряпочками? Это называется обо. Их устраивают у источников, на перевалах – в особенных, примечательных местах. В таких местах живут духи, и путник обязательно должен как-то

Встреча в степи

почтить их. Один из традиционных способов – выпить вместе с духами водки (часть, причитающаяся духам, разбрызгивается вокруг). Непьющие могут обойти вокруг обо три раза по часовой стрелке. На обо можно принести камень (часто вырастают большие кучи камней), можно привязать синюю ленточку (хадаг), можно оставить что-то еще – часть одежды, еду, деньги...

Традиция сооружения обо уходит корнями в древнее, добуддийское прошлое монголов. Синий цвет ленточки – наследие культа Вечного Синего Неба (Тэнгри). Обычай поклонения обо оказался настолько живучим, что при распространении

буддизма был не вытеснен, а включен в круг буддийских обрядов. Вообще «народный» монгольский буддизм довольно сильно отличается с буддизмом «книжным» – тем, что в храмах и монастырях. Суть «народного» буддизма (как, вероятно, и любой «народной» религии) сводится к поклонению каким-то там высшим существам – они могут защищать, одарять благами, а могут и наказывать...

Особенного религиозного рвения за монголами не замечено – буддизм не является основой национального самосознания; к наиболее популярным сегодня национальным символам относятся, во-первых, Чингис-Хан, а еще атрибуты кочевой жизни – лошади, юрты... При этом в конфессиональном отношении монгольский буддизм довольно монолитен: монголы исповедуют тибетскую ветвь буддизма (ламаизм), и противоборство разных религиозных течений и сект им практически незнакомо. Кстати, в современном мире Монголия является единственной «страной победившего ламаизма» – ведь Тибет, родина этой ветви буддизма, находится под юрисдикцией Китая. В связи с этим монгольские политические лидеры часто вынуждены решать дилемму: поддерживая связи с Далай-ламой, они обычно принимают его неофициально, чтобы не испортить отношения с Китаем, с которым у Далай-ламы отношения далеко не самые радужные...

Ну ладно, вернемся к тому, что нас окружает непосредственно, и движемся дальше по нашей трясухой дороге. Столик с бутылкой у обочины стоит не просто так. Видите юрту чуть в стороне? Здесь продают айраг. Европейцам этот напиток известен под тюркским названием «кумыс». Хотите попробовать? Имейте в виду, по крепости примерно как пиво. Не случайно же в монгольском языке пиво называется «шар айраг», т.е. «желтый айраг». Готовится он из кобыльего молока, и от кисло-молочных напитков отличается тем, что в данном случае молоко сбраживается дрожжами. Получается штука с весьма специфическим вкусом – с первого раза вряд ли понравится. Зато стоит немного втянуться, и уж тогда!

Встречные грузовики, навьюченные как будто гигантскими тюками, под которыми сам грузовик бывает еле виден, везут козью шерсть – ценный продукт сбыта монгольских скотоводов. А вот этот грузовик перевозит юрту со всем скарбом – видите деревянный круг наверху всего груза? Это не колесо для гигантской телеги, это верхняя часть деревянного каркаса юрты, называется «тоно». Раньше юрты перевозили на быках или на верблюдах, теперь, конечно, всё чаще на грузовиках... А вот навстречу поехал монгол с женой и двумя детьми на китайском мотоцикле... не выворачивайте шею, подумай, делов-то. Ну, вчетвером на одном мотоцикле, здесь это в порядке вещей. Видели бы вы, сколько человек у них в маршрутку влезает! Посмотрите лучше на небо.

Небо в Монголии – одна из главных достопримечательностей. Во-первых, оно такое громадное, что вмещает в себя одновременно кучу разных событий: вон там идет дождь, а там ясно, а вон там тоже идет дождь, вот в эту сторону закручиваются облака... Облака, бывает, можно увидеть сразу нескольких видов – и кучевые, и высоко-кучевые, и перистые... Глядя на это небо, начинаешь понимать, почему именно его монголы когда-то выбрали в качестве объекта поклонения. Каких только оттенков, каких только форм ни увидишь там! Кажется, всю мыслимую круговерть фигур и красок забрало себе оно, оставив под собой лишь однообразную степь, – Вечное Синее Небо! ♦

Приближается осень, жители гор откочевывают на равнину

Крутицкий (живая голова). Готово?

Глумов. Готово, ваше превосходительство. (Подает тетрадь.)

Крутицкий (берет тетрадь). Четко, красиво, отлично. Bravo, bravo! Трактат, отчего же не проект?

Глумов. Проект, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается... (с заискивающей улыбкой) и совершенно справедливо, ваше превосходительство. Крутицкий. Так вы думаете, трактат?

Глумов. Трактат лучше. Крутицкий. Трактат? Да, ну пожалуй. «Трактат о вреде реформ вообще».

А.Н.Островский. «На всякого мудреца довольно простоты». Действие 4, явление 1

1. Манифест. Прославленный кинорежиссер Никита Сергеевич Михалков, известный своими православно-монархическими декларациями и верной службой советской безбожной власти (как и восторженным отношением к нынешней власти), решил заняться обустройством России и выпустил «Манифест просвещенного консерватизма», датированный, подобно энциклопедии папы Римского, римскими цифрами – ММХ (2010). «Манифест» обращен не к широкой публике, а к правящей элите («политической гвардии») – издан небольшим количеством экземпляров.

Прежде всего поражает то, каким напыщенным и безвкусным языком написан этот текст – что-то вроде смеси церковной проповеди с предвыборной агиткой, странно звучащей в устах заслуженного деятеля культуры. Возможно, виной тому слабость аргументов, которую автор «Манифеста» подсознательно должен был ощущать. Кроме того, он оказывается в ложном положении, призывая к христианским добродетелям, когда всем миром читатели наблюдают необыкновенно цепкую борьбу автора за свои доходы (пресловутый «налог на болванки») на фоне традиционной семейной привилегии Михалковых на обслуживание верхнего эшелона власти. Так что скептическое и брезгливое отношение массы читателей вполне понятно, и я не буду здесь подробно развивать эту тему.

2. Имперская история. Рассматривая «тысячелетний путь от «Святой Руси» к «Великой России», Михалков пишет: «В каждом периоде российской истории есть белые и черные страницы. Мы не можем и не хотим делить их на свои и чужие. Это наша история! Ее победы – наши победы, ее поражения – наши поражения». Стоит заметить, что важно не только различать победы и поражения, но и осознавать наличие в нашей истории пороков и преступлений. Хочет ли автор «Манифеста» сказать, что это наши пороки и наши преступления и мы будем оправдывать и отстаивать и эти традиции, поскольку они – наши? От братоубийства Бориса и Глеба до массовых пыток и казней Ивана Грозного и Малюты Скуратова? От покорения Чечни, описанного Львом Толстым, до высылки всех чеченцев и ингушей с Кавказа? От философского парохода до дела врачей-вредителей?

Михалков рассуждает о принятии Русью православия. «В ту пору, – пишет он, – вера органично вошла в быт, а быт в веру». Историки знают об этой органичности некоторых подробностей, по которым Владимир где добром, а где же тоже славяне вос- по веру не органично долго распростра- «Государственная неотделима от

Приглашение к застою

Нашумевший консервативный манифест, написанный известным режиссером и председателем Союза кинематографистов России **Никитой Михалковым**, возможно, с точки зрения науки и не заслуживает серьезного разбора, но у нашего колумниста **Льва Клейна** на этот счет особое мнение...

православного мирозерцания, от симфонии Царства и Священства». Ну, пожалуй и вначале, и временами потом вполне отделима. Как и на Западе (борьба пап с императорами), порою вспышки борьбы князей с епископами, а потом царей с патриархами принимали весьма острые формы (вспомним хотя бы убийство митрополита Филиппа и никонианство). Так что симфония-то была полна диссонансов.

«Российская империя повторяла путь Империи Византийской», – с возделением пишет Михалков. Ему, как и клерикальным авторам недавней киноэпопеи о разгроме либералов в Византии, очень бы хотелось, чтобы это было так. Но это не так. Точнее, так лишь отчасти: российская императорская власть действительно порою вдохновлялась традициями Византии, а в русском гражданском обществе термин «византийский» всегда был синонимом не только застоя и реакции, но и интриганства, подсиживания, подковерной возни. Да стоило бы вспомнить конец Византии (впрочем, и конец Российской империи с ее византийскими традициями).

Еще одна историческая цитата: «Митрополит Филарет (Дроздов), автор Манифеста 1861 г., освободившего крестьянство России от многовековой крепостной зависимости, является ярким примером церковного деятеля просвещенно-консервативного направления». Может быть, стоило бы тут отметить, что освобождение было без земли, т.е. что оно оставило крестьян в экономической зависимости от помещиков? Что это вызвало мятежи и восстания крестьян, типа безденежного? И что в конечном счете это и привело к победе большевиков в революции?

Михалков повествует упрощенно: «В 1914 г., защищая православную Сербию, Россия вступила в Мировую войну». Историки же полагают, что это было только поводом, а причины вступления России в войну были гораздо более сложными, и противоречия интересов ее правящих классов с властями Германии и Австро-Венгрии были гораздо более многообразны.

Советскую власть Михалков изображает ностальгически. В советской России, по Михалкову, были «побеждены нищета, болезни и голод». Если они существовали в царской России, то откуда они взялись в идеальной симфонии православия и имперской власти с византийскими традициями, а если они возникли в советское время (а уж тут-то они превзошли бедствия царской России многократно, получив прозвище «голодомора», то, наверное, не так уж была хороша советская власть. Да и справилась она с голодом очень поздно и очень неполно. Вспомним «колбасные поезда» из столицы в разные черноземные области.

О распаде Советского Союза Михалков пишет: «Это была геополитическая революция». Путин выражался прямее – «геополитическая катастрофа». Если это замаскированный плагиат, то он не удался: сразу видно, откуда ноги растут.

3. Русская идея. «В итоге, – заключает свой пролог по истории Михалков, – мы вступили в XXI век, проживая уже не в «Святой Руси» и не в «Великой России». Он констатирует это как нечто сатанинское и страшное. Между тем, все империи распадаются. Распалась Священная Римская империя, Британская империя, Французская, Датская, Испан-

ская, Голландская, Османская, империя Габсбургов... Видимо, пришло время и Российской империи разделить судьбу своих соседей. Распад начался в 1917 г., и еще вопрос, завершился ли в 1991-м. Суть не в том, удастся ли задержать этот распад (если не понять его причины, то явно не удастся), а в том, чтобы он прошел как можно более цивилизованно, без кровопролитий, и чтобы после распада русским людям было так же удобно жить, как англичанам в Англии, датчанам в Дании, голландцам в Голландии и т.д. Вот в чем вопрос. На мой взгляд, это и есть сейчас насущная национальная идея России. Не стремиться к руководству другими народами, а заботиться о приумножении богатств и благоустройстве своей страны. Не думать об ее исключительности (это утешение отстающих), а учиться у тех, кто успел больше.

Михалков решительно отказывается «верить сказкам о чудесах рыночной экономики». Сказкам я бы тоже не хотел верить. Но я вспоминаю, как советские женщины, приехавшие впервые в европейские страны с рыночной экономикой, падали в обморок при виде изобилия в западных универмагах. Было такое. И главное: зарплаты там и сейчас в десятки раз превышают наши (правда, не Вашу, Никита Сергеевич, и не семейство бывшего мэра Москвы). Это же не сказки. Это факты.

4. Просвещенный консерватизм. Панацеей от всех зол Михалков считает «просвещенный консерватизм». Он противопоставляет его «радикальным новациям любого толка», «националистическому экстремизму и международному терроризму». Экстремизм и терроризм добавлены для пущего страха (они вообще ныне стали клеймом для всяких политических противников), а радикализм противопоставлен не консерватизму, а умеренности. Консерватизм же всегда противостоял движению вперед, прогрессу. Консервировать – значит, сохранить. Что же хочет сохранить Михалков? А он считает, что следовало сохранить российскую монархию, а коли не сохранить, то нужно было сохранять советскую тоталитарную власть (при ней Михалковым было хорошо), а раз и это не удалось – то авторитарную власть Путина. Мы хорошо помним, как Михалков от нашего общего имени выражал свои всеподданнейшие восхищения и пожелания Владимиру Владимировичу. Чем же «просвещенный консерватизм» отличается от просто консерватизма? А примерно тем же, чем «суверенная демократия» – от просто демократии. Просвещенный отличается цветочком в петлице и надушенными усами.

Кто же является носителем просвещенного консерватизма? Главные носители намечены исторической ретроспективой: это прежде всего Победоносцев. «К просвещенным консерваторам принадлежат выдающиеся представители государственной бюрократии, пережившие свой звездный час в эпоху царствования императоров все-российских Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II». То есть те, кто и привел Россию к революции и распаду. «Государственная бюрократия» – вот классовая основа «просвещенного консерватизма». «Главной опорой партии консерваторов» являются и «избиратели революционной по

своей сути партии КПРФ». На более продвинутое и образованное столицы (Москву, Петербург) Михалков надеется мало – он уповает на более отсталую провинцию. «...Консерватизм, в хорошем смысле слова, провинциален». И сентенция: «Человек с устойчивой психикой и здравым рассудком, как правило, консервативен. Он хочет жить и умирать так, как жили и умирали его отцы и деды». Если предки жили при создателе империи Иване Грозном, а затем при «замечательном менеджере» Иосифе Сталине, если деды и отцы жили в ГУЛАГе и умирали в расстрельном подвале с пулей в затылке, то сам Михалков вправе избирать для себя такой консервативный идеал, но не стоит звать к нему соотечественников.

Вот еще одно новое понятие, введенное в политологию Михалковым: «Гарантийное государство». Когда начинают выявляться особенности этого вида государства, то оказывается, мы его хорошо знаем: «убернаторы и мэры городов федерального значения должны выдвигаться на должность и освобождаться от должности президентом страны», а не выбираться населением. И тут же: «подкуп и давление властных и олигархических группировок на избирателей – должны окончательно и бесповоротно уйти в прошлое». Да как же они уйдут, когда чиновники (основные взяточники) ответственные только перед начальством, которое они подкармливают теми же взятками? По Михалкову, количество партий должно быть ограниченным: «В будущем в России должны остаться три политические партии, могущие реально бороться за власть: консервативная, либеральная и социалистическая». А если народ захочет, скажем, партию зеленых? Нельзя! А демократическую? Ни в коем случае! А монархическую? И ее никак! А ведь, кажется, Никита Сергеевич объявлял себя монархистом? Вот она, жертвенность! Чем не пожертвуешь ради «гарантийного государства»!

5. Евразийский реваншизм. По «Манифесту» Михалкова видна его близость к современной разновидности «евразийской» идеологии, разрабатываемой выходцем из пресловутой «Памяти» Александром Дугиным. Эта квинтэссенция «Манифеста» содержится в следующих тирадах артиста: «По Божьей Воле сложившийся в России тысячелетний союз многочисленных народов и племен представляет собой уникальную русскую нацию... Нам свойственно особое сверхнациональное, имперское сознание, которое определяет российское бытие в системе особенных – евразийских – координат. Ритм нашего развития и территория нашей ответственности измеряются континентальными масштабами... Россия-Евразия – это не Европа и не Азия, и не механическое сочетание последних. Это самостоятельный культурно-исторический материк, органическое, национальное единство, геополитический и сакральный центр мира... Непонимание роли и места, которое занимала, занимает и призвана занимать в мире Россия, по меньшей мере опасно, а по большому счету – губительно, потому что ведет к гибели православной цивилизации, исчезновению русской нации и распаду российского государства».

Обычно центром мира становится не то государство, которое этого усиленно добивается, а то, которое больше других заботится о внутреннем благоустройстве и о счастье своих граждан, о своей технике и науке, о своем производстве и природе своей страны. Непонимание роли и места России действительно опасно и по большому счету губительно, хотя эту опасность я вижу не там, где ее видит Михалков.

К «просвещенному консерватизму» Михалков добавляет «здоровый просвещенный национализм». Именно такой тип национализма создавал в мировой истории великие империи с позитивной миссией, которые были свойственны византийской, англосаксонской и российской государственности. Михалков воспекает «общенациональную миссию». Он призывает нас опять обучать весь мир, не говоря уже о Ближнем Зарубежье, особой духовности, государственным нормам и цивилизации.

И в завершение: «Мы вновь должны стать едиными и сильными, а Россия – Великой» – восклицает Михалков. Его поддерживают другие борцы за восстановление Российской империи – Проханов, Фроянов, Дугин. Они совершенно не спрашивают, хотя ли этого украинцы, белорусы, молдаване, казахи и прочие бывшие советские люди, не говоря уже об эстонцах, латышах и литовцах. Лозунг Михалкова – это опасный реваншизм, он ведет к тому же, к чему вел и германский реваншизм, и столь же опасен не только для соседей, но и для самой России.

Консервативную традицию от радикальной новации Михалков отличает тем, что «она не рационалистична, а мистична». На этом поле я отказываюсь спорить с «просвещенным консерватором». Если его просвещенность – это националистическая мистика, то это разговор для сторонников Блаватской и Дугина. По Михалкову, «культ определяет культуру, а культура воспитывает нацию». Для византийских царедворцев это было так. Но мы не в Византии. Культура – не от слова «культ», а от слова «colere» – «обрабатывать», «возделывать». Да, я думаю, что в культуре наше спасение, в культуре труда, в культуре как просвещении, в культуре трезвого рассудка.

Михалков прибегает к высокому пафосу: «Мы служим Богу и Отечеству, а не идолам Теории и Истории, которым наши современники, лишенные веры, надежды и любви, вынуждены приносить кровавые жертвы». Ох, Никита Сергеевич, ведь эту тираду можно перевернуть, и она будет звучать не менее убедительно, а может быть, и гораздо более убедительно: мы придерживаемся принципов разумной теории, фактов и выводов истории, а не служим слепо идолам и кумирам, как бы они ни именовались – Богом, Империей, Нацией, Партией, которым наши современники, лишенные разума и совести, готовы приносить кровавые жертвы, как уже не раз бывало в истории.

Пост-эпиграф:

«...прибил к воротам елисейского сельсовета свои четырнадцать тезисов. Вернее, не прибил их к воротам, а написал на заборе мелом, и это скорее были слова, а не тезисы, четкие, лапидарные слова, а не тезисы, и было их всего два, а не четырнадцать... Ты блестящий теоретик, Вадим, твои тезисы мы прибили к нашим сердцам, – но, как доходит до дела, ты говно говном!»

Венедикт Ерофеев. «Москва – Петушки». Поэма. Глава «Орехово-Зуево – Крутое»